ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1985

МУРЗИЛКА 11

Славься, страна Октября — Родина счастливого детства!

68-Я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В МУЗЕЕ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Владимир СТЕПАНОВ

Труби, трубач!
Играй, трубач, тревогу,
И в звоне сабель,
В зареве огней
Зови нас в неоглядную дорогу
Со старой фотографии своей.

Играй, трубач,
Не думая о нотах,
Рассказывай нам песню до конца
К тебе мы встанем рядышком
на фото,
Пробитое осколками свинца.

Играй, трубач!
Пусть слышат все на свете
Заветную мелодию твою,
Тревожную, как небо на рассвете,
Горячую, как всадники в бою.

«Наш праздник».

Рис. Эдика ГРИГОРЬЕВА, г. Ярославль

РЖАНОЙ ХЛЕБУШКО — КАЛАЧУ ДЕДУШКА

А. МИТЯЕВ

ПОЛЯНЕ

Русскому народу силу, стойкость, выносливость издревле давала работа на хлебной ниве.

Одно из самых жизнестойких племён восточных славян называлось поляне. По Днепру и его притокам, на степных пространствах, окаймлённых лиственными лесами, были поля полян.

Труд тех людей — почти весь! — поглощался пашней. И пашня оделяла их за то пашеницей, то есть пшеницей.

ПАХАРЬ-ВОИН

У торговца богатство в кубышке, в кошельке. У пахаря оно в хлебной ниве.

При опасности торговец зароет кубышку или, прихватив кошелёк, пустится в бега. Может убежать даже в чужую страну, где в данный момент спокойнее. А пахарю своего добра не спрятать, не убежать с ним. Вон оно, поле, открытое всем ветрам и набегам. Его надо защищать! И пахарь — невольно — воспитывал в себе воина, защитника родной земли.

Драгоценное в те времена железо наши предки расходовали на сошники для сохи, на серпы, а также на мечи и копья.

БИТВЫ В ДИКОМ ПОЛЕ

На протяжении веков шла борьба пахарей с печенегами и половцами, которые вторгались в степи у южных границ Киевской Руси.

Причерноморские степи русские люди звали Диким полем. Земля там была плодородная, но никем не паханная. С Дикого поля, по поверью, налетал на города и сёла Руси Змей Горыныч. Семь голов Змея извергали огонь, в котором сгорали избы и нивы. Не счесть жестоких схваток с кочевниками. Ничем не измерить горе людей, угнанных в полон, проданных в рабство.

Борьбу с печенегами возглавил в XI веке киевский князь Владимир Святославич. Борьбу с половцами в XII веке — киевский князь Владимир Всеволодич Мономах. Их походы в Дикое поле приводили в чувство обидчиков Русской земли.

В начале весны 1103 года, после разорительных нападений половцев, Владимир Мономах предложил другим князьям начать совместный поход, чтобы проучить врага. Князья и их дружины медлили с согласием. Нельзя, говорили они, изнурять перед пахотой ратников и лошадей. «Дивлюсь я одному,— укорил их Мономах,— как вы поселян жалеете и лошадей их, а того не подумаете, что станет поселянин весной пахать на лошади, и приедет половчанин, ударит его самого стрелой, возьмёт и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжёт...» Трудно было не согласиться с таким доводом. Поход на половцев закончился победой. Только ханов половцы потеряли убитыми два десятка.

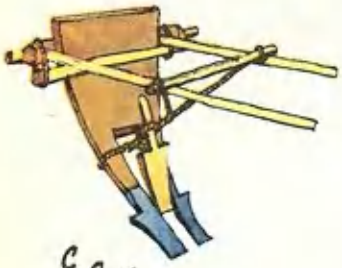
В благодарной народной памяти, в былинах князья-тёзки, хотя и жили в разных веках, слились в образ одного Владимира — защитника Русской земли, прозванного Красным Солнышком.

Пахарь и князь

У князя бесстрашная дружина. И сам он в бою отважен. Однако в мнении народа выше князя всегда был пахарь. Откуда это известно? Хотя бы из былин, сложенных в давние времена.

Былины рассказывают о подвигах богатыря Ильи Муромца. Когда он почувствовал в себе огромную силу, то собрался в Киев на службу к князю Владимиру — охранять от набегов южные границы Руси.

Путь из города Мурома, от реки Оки до Киева, неблизкий. К тому же кружной. Прямой дорогой люди давно не ездили, боялись Соловья-разбойника.



Соха

Илья вооружился луком, мечом, палицей. Поехал прямой дорогой.

Ехал богатырь, ехал и в брынских лесах у речки Смородины повстречался с чудищем. Соловей-разбойник сидел на семи дубах. Земля вокруг была усеяна человеческими и лошадиными костями. Много витязей и их коней полегло у тех дубов!

Соловей-разбойник кричал по-звериному, шипел по-змеиному, свистел по-соловьиному, да так жутко, что всё живое погибало.

Илья Муромец и его конь устояли под жуткими криками. Калёной стрелой богатырь сшиб разбойника с гнезда. Скрутил, привязал к стремени, повёз с собой.

В Киеве сам князь с боярами вышел поглядеть на страшное чудище. Захотелось князю, на свою беду, послушать, как кричит, шипит и свистит Соловей-разбойник. Что тут стало!

...Все травушки-муравушки уплеталися,
Все лазоревы цветочки осыпалися,
Мелки лесочки к земле пригибалися,
А у князя с теремов высоких

Косуля

Все хрустальные стеколышки посыпались,
А Владимир-князь да стольно-киевский
А он по двору да во круги бегает...

Илья Муромец укрыл князя полой своего кафтана и таким способом спас от смерти.

Как рассказывают былины, Илья Муромец превосходил силой других знаменитых богатырей — Алёшу Поповича и Добрыню Никитича. Он был у богатырей за старшего.

Алёша — сын попа. Добрыня — сын боярина. А Илья был сыном крестьянина из села Карачарова, что неподалёку от города Мурома.

Рис. Б. КЫШТЫМОВА

МИРОЛЮБИЕ

Миролюбие — одно из свойств русского характера. Свойство это воспитывалось тоже издревле и тоже на хлебной ниве.

От посева зерна в пашню до созревания колоса проходят долгие месяцы. Убрав урожай, земледелец готовит поле к новому посеву. И так год за годом без перерыва, век за веком без перерыва — пашет он, сеет, жнёт и снова пашет, чтобы снова сеять, чтобы собрать хлеб насущный.

Так может ли любить войну человек, благополучие которого зависит от спокойствия нивы?

КТО ЧЕМ БОГАТ?

Сугури УВАЙСОВ

Перевёл с лакского Владимир ДАНЬКО

У зимы спросил я как-то,
Что морозна и бела:
— Чем ты, зимушка, богата?
— Тем, что осень мне дала.

Осень, золотом одета,
Отвечала в свой черёд:
— Я богата тем, что лето
Дарит мне из года в год.

Летний зной, потоки света
И небес голубизна...
— Чем же ты богато, лето?
— Тем, что сеяла весна.

Вся в цветах, весна прекрасна,
Дарит всем тепло своё.
— Где, весна, твои богатства?
— Клад в земле. Спроси её.

А земля мне отвечала:
— Видишь нивы и поля?..
Человек — всего начало.
Без него — бедна земля.

Человек, не зная скуки,
Отдаёт земле свой труд.
— Вот,— сказал он,— видишь руки?..
Всё моё богатство — тут.

Рис. Н. АНТОНОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Владимир ЧИВИЛИХИН

Предвоенное детство моё и военное отрочество прошли в небольшом сибирском городке Тайга, окружённом со всех сторон кедровыми, пихтовыми и еловыми лесами. У каждого из нас в детстве были милые сердцу речки и леса, горы и тропки, дворы и улицы, которые спустя много лет греют нас золотыми снами. К родному моему городку тайга подступала почти вплотную, кустарником и мелколесьем начиналась сразу же за последними огородами, и сердчишко моё с детства поселилось в ней. Мы, мальчишки-полусироты, пропадали в тайге, она подкармливала нас, незаметно, кажется, воспитывала,— и меня, где б я ни был, почему-то тянет туда, тянет с каждым годом всё сильней — к родным деревьям, буграм, родникам, и я посещаю их время от времени... Однако самые первые, младенческие впечатления связаны всё же не с тайгой.

Одна странная особенность есть у моей памяти — лучше, чем что-либо другое, помню звуки, запахи, краски, а через них всё остальное — давние голоса, лица, случаи. Стоит мне сейчас закрыть глаза и мысленно вернуться к зоревой поре жизни, как явственно услышу сипенье жёлтой керосиновой лампы на стене нашей хибарки, скрип крыльца, увижу изменившееся вдруг лицо мамы, её порыв к двери:

— Никак, отец!

По каким-то одной ей ведомым признакам мама угадывала, что на крыльцо ступил отец, возвратившись из долгой поездки. На руках с кем-нибудь из нас, малышей, мать торопливо подбегала к дверям, широко распахивала их, и в облаке морозного пара появлялся отец — непомерно большой из-за своих тяжёлых одежд, с кожаной сумкой через плечо и гремучими железными фонарями в руках. Втягиваю сейчас носом воздух и насыщаюсь смешанным запахом каляного холодного брезента, потной овчины, керосинового фитиля, старой кожи, но все эти оттенки побивает своей терпкостью горький дух паровозной копоти. Отец обнимал маленькую нашу маму и говорил:

— Ну, будет, будет! Дитя застудишь.

Рабочая отцовская амуниция была для меня предметом вожделенным. Прежде всего, конечно, кожаная сумка, которую я тщательно обшаривал после каждого возвращения отца из поездки. В ней всегда лежала замусоленная книжонка с рисунками паровозов, вагонов, семафоров... Обмылок в железной мыльнице, складной нож, стеариновые свечи и запретный тугой карманчик, в котором хранились белые плоские баночки — петарды. Обычно отец их сразу же убирал на полку, под самый потолок, куда я не мог добраться, а мне так хотелось подержать их в руках, чтоб ощутить под гладкой холодной жестью ужас затаившегося взрыва. Обязательно присутствовала в сумке стопка жёстких картонных билетов, пробитых компостером. Использованные пассажирские билеты отец брал, наверно, у товарищей, чтобы я мог строить из них домики, вертеть на вязальной спице или обменять на какую-нибудь другую драгоценность у соседского мальчишки. А в самом потаённом отделении сумки находил я чёрствую краюху хлеба, дольку пахучей колбасы и обломок кускового сахара, нарочно забытые отцом. Хлеб и колбасу я тут же, как бы ни был сыт, съедал с наслаждением, даже с какой-то звериной жадностью. Отец обычно в это время сидел

у печки, грел над плитой руки, смеясь, смотрел на меня, а мать, хлопочущая с обедом, приостанавливалась на бегу, всплескивала руками и приговаривала:

— Ну диви бы голодный! Нет, отец, на него ядун напал, пра слово, ядун!

Сахар я откладывал, чтоб иметь в запасе ещё одно удовольствие, и продолжал досмотр. В карманах тулупа и телогрейки, как правило, не было ничего интересного. Но у порога ещё стояли большие подшитые валенки, которые мне нужно было непременно примерить, фонари с красными и жёлтыми стёклами, висели на гвоздике в кожаном чехле сигнальные флажки, я всё это тщательно обследовал и, наверное, даже обнюхивал, потому что до сего дня в моей обонятельной памяти живут восхитительные запахи оплывших свечей, керосинной гари, станционных дымов и пыли дальних дорог...

Ездил наш отец на товарных поездах. Не «работал», не «служил», а именно, как я привык слышать с детства, «ездил» главным кондуктором; эта профессия на железных дорогах давно устранена, в старое же время главный кондуктор считался на транспорте фигурой заметной, наравне с машинистом паровоза, и я вспоминаю, как у колодца две соседушки спорили о том, чей муж главней.

Железная дорога незаметно входила в мою жизнь, и, с рожденья слыша паровозные гудки, я перестал их замечать. Но мама, если отец был в поездке, временами поднимала голову от стирки или шитья, прислушивалась к гудкам, скрежету прокалённых морозом рельсов или тишине, произносила про себя:

— Как там отец?

В солнечные и тихие морозные дни рельсовые скрипы становились такими близкими, что казалось, это двери стайки кто-то открывает либо калитку на соседнем дворе, а над станцией высоко-высоко в небо поднимались чёрные, серые, белые или розовые столбы дыма,

ГУДОН

пухли, округлясь вершинами, и чудилось, что паровозы спустились сюда на гигантских разноцветных парашютах. Среди наших первых детских игр главной была игра в поезда, и мы, голопузая ребятня, не научившись ещё как следует выговаривать слова, уже спорили, кому быть машинистом, кому кондуктором.

Читать я выучился очень рано. Как ни странно, раннее приобщение к чтению

произошло именно из-за того, что мама наша была неграмотной.

Вышло всё так. Долгими зимними вечерами собирались с нашей окраинной улицы жёны кондукторов, машинистов, кочегаров, смазчиков, слесарей, стрелочников. Собирались у нас, потому что отца и между поездками часто не было дома — коммунистом он стал, как многие рабочие тех лет, в 1924 году, вечно хлопотал в кондукторском резерве не то по профсоюзной, не то по партийной линии. Мама не могла оставить нас без присмотра, и вот соседки, намаявшись за день с чугунами, скотиной, стиркой и детьми, молчаливо и устало рассаживались где ни попадя, тихо переговаривались, чтоб, наверно, не разбудить моего младшего братишку, которого качала в зыбке семилетняя сестра. Мать становилась на стул и зажигала ещё одну, подвешенную к потолку лампу, от которой сразу же начинало сильно тянуть керосином к полатям, где лежал я, выставив наружу глаза.

Появлялась учительница из ближайшей школы. Я ждал её, как божество, потому что это было на самом деле божество.

— Добрый вечер, товарищи! — произносила в дверях.

До сего дня у меня в глазах её белоснежный воротничок и такие же манжеты на рукавах платья, нежный тихий го-

лос звучит в ушах, и совсем другие слова, чем те, что я всегда слышал, а от её светлых волос, которыми она почему-то всё время потряхивала, поднимался ко мне сказочный аромат. И ещё она была тоненькая, как моя сестрёнка. Прежде чем начать занятие, грела руки у раскрытой печки, они были насквозь прозрачные и совсем красные.

И вот божество разворачивает рулоны бумаги, вешает листы с большими буквами на стенку, близ лампы, чтобы повидней было, и начинает. Женщины какими-то чужими, деревянными, неестественными голосами повторяют: «Мама моет Лушу» или: «Мы едем в Москву». Хором ладно получалось, а по отдельности ученицы стеснялись, запинались, подолгу думали над каждой буквой, и я нетерпеливым шёпотом начинал им сверху подсказывать. Мама грозила мне скрюченным пальцем, а учительница смотрела на меня и улыбалась. Глаза у неё были голубые, не то что у всей моей родни.

И ещё помню, как однажды отец, сидя у лампы, читал свой «Гудок», и, когда я внятно прочёл ему это слово, он удивлённо-радостно посмотрел на меня, заставил разбирать другие слова, потом долго подбрасывал меня к потолку и осенью отвёл в школу, хотя мне ещё не исполнилось восьми лет. Едва научившись читать, я пожирал глазами всё буквенное: газеты, отрывные календари, отцовские тарифные справочники, бабкину библию, школьные учебники сразу от корки до корки и за любой класс, пыльные старинные журналы, каким-то чудом сохранившиеся в ящичке на чердаке нашего дома, и книжечки, книжки, книги, книжищи — чем толще, тем лучше. Несколько позже определился первый избирательный интерес, начавшийся, как и у многих моих ровесников, с «Робинзона Крузо»,— и я искал любую книгу о путешествиях и мгновенно проглатывал её, если даже она была с научным уклоном.

С детства тянуло далёкое и неведомое, всегда хотелось куда-нибудь и на чём-нибудь уехать. Однажды на соседней трактовой улице появился первый в нашем городке автомобиль. На брезенте большого фургона было написано: «Москва — Владивосток». Машина, правда, застряла в глубокой глинистой колдобине, мужики её со смехом вытаскивали конями, а когда она взяла на взгорок, ребятня с восторгом бросилась за ней, и я вцепился в железину, которою запирался борт. Меня мотало во все стороны, больно било углом кузова, залепило грязью до глаз, но я держался занемевшими руками, пока они сами не разжались...

Хотелось уехать на проходящих дальних поездах, улететь на самолётишке, что перед войной начал трещать на нашем крохотном осоавиахимовском аэродроме.

Рис. Н. УСТИНОВА

НАШИ ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ

ВАЛЕНТИНУ ИВАНОВИЧУ КУРДОВУ 80 лет

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

Разведчики

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Валентин КУРДОВ,
рисунки автора

Походная кухня

Я люблю рисовать для детей — природу, зверей, птиц. Кажется, одна из самых мирных на земле профессий — художник детской книги.

Но вот началась Великая Отечественная война.

Я ленинградец. Мой город, окружённый фашистами, испытал все ужасы войны. Люди умирали от голода, замерзали на улицах и в холодных домах, погибали при бомбёжках. Но каждый делал всё возможное, чтобы защитить Ленинград.

И ленинградские художники уходили на фронт, в ополчение, рыли противотанковые окопы, дежурили на крышах, засыпая зажигательные бомбы песком. Но было у нас и ещё оружие — кисти и краски. Мы работали все вместе, в одной мастерской. Графики, живописцы, скульпторы, художники детской книги выпускали «Боевой карандаш» — рисованные сатирические плакаты.

Помню, я рисовал воина, поражающего гидру-змею с фашистским знаком на спине. А мой товарищ художник Евгений Чарушин изобразил фашизм в виде злобного волка. Нередко лист переходил от художника к художнику — один делал рисунок, другой — раскрашивал, третий — писал заголовки. Работали, пока кисть не выпадала из обессилевших, озябших рук. Листы «Боевого карандаша» отправляли на фронт, и я сам видел, как бойцы прикрепляли их к танкам, артиллерийским орудиям, машинам.

Однажды к нам в мастерскую пришли командиры с Ленинградского фронта. Уставшие — видно было, что они не спали много ночей.

«Враг у ворот города. У Нарвских ворот,— сказали они.— Это суровая

Легкоатлет

Возвращение партизан в Ленинград

правда. И мы ждём помощи от вас, товарищи художники».

Сутки мы не выходили из мастерской. Из последних сил вручную крутили литографский станок. И к утру были готовы плакаты — «Никакой паники!», «Ленинград не сдадим!».

Развешанные на улицах, они звали каждого ленинградца на защиту города.

В эти суровые дни я был направлен на фронт, а затем в партизанский отряд военным корреспондентом.

Я много рисовал с натуры в крохотный блокнот величиной с ладошку — такой маленький, что его удобно было прятать за обшлаг рукава шинели. Зарисовки, пейзажи, портреты из этого блокнотика очень помогли мне потом в работе над листами, которые я назвал «По дорогам войны».

Рисовал я портреты боевых товарищей, писал акварелью разбитые дома и станции, любимую русскую природу, искалеченную войной. Мне казалось, что сама природа, сама русская земля отвергает гитлеровских вояк. Недаром фашисты так боялись русского леса.

Партизанский отряд, в который я попал, был сформирован из студентов института физкультуры. Командира отряда, известного спортсмена-лыжника Дмитрия Косицына, я нарисовал за несколько часов до вылета парашютного десанта в тыл врага. Многие партизаны не вернулись с этой операции. Погиб и Косицын.

Мне не забыть и партизанку Машу Куккоеву. В бою она была ранена. Пуля на излёте застряла у неё под кожей на виске. Сгоряча она не обратила на это внимания. А потом и совсем забыла. И только несколько дней спустя врач обнаружил и вынул пулю.

Прошли десятилетия. Теперь, пересматривая военные рисунки, я с волнением вспоминаю дорогих мне людей, с которыми свела меня судьба в давние дни тяжёлых испытаний.

Партизан Лопатюки

Нелегко досталась нам победа. Но она всегда будет праздником людей под мирным небом на земле.

После войны я снова рисую для вас, мои юные друзья. Я радуюсь, что могу служить своим искусством читателям любимого мною журнала «Мурзилка», радуюсь, что моя профессия — одна из самых мирных на земле.

Маша

Стоянка обоза

НЫРКИ

Юрий КУШАК

С утра до вечера нырки
Качаются, как поплавки,
Плывут за парой пара
Вдоль птичьего базара.

А рядом бьются льдинки,
И птичий гам кругом,
И чайки, как чаинки,
В просторе голубом.

Но мимо них плывут нырки,
Как закадычные дружки,
Плывут, болтают о своём,
Нырнут — и вынырнут вдвоём.

И тут появится баклан,
Ни на кого не глядя,
Как заграничный пеликан,
Как очень важный дядя!

— Эй, гусь! — кричат ему нырки,—
Надел бы шляпу и очки!
И сразу вместе — с глаз долой:
Ищи-свищи их под водой!

И снова по волне рябой
Вдоль птичьего базара
Плывут они, как мы с тобой
Гуляем вдоль бульвара.

Идём-бредём в руке рука,
По пустякам не спорим.
И мы с тобой, как два нырка,
Душой навеки с морем.

Нас и водой не разольёшь
На улице и в школе.
Со мною ты не пропадёшь,
А я с тобой — тем более!

Рис. М. ПАНТЕЛЕЕВА

ПО МОРОШКУ

По морошку,
По морошку,
Выпей чаю на дорожку,
Да тропинкою заветной,
Одному тебе приметной,
Через сопку,
Через речку —
К заповедному местечку!

По морошку,
По морозцу,
К заповедному болотцу,
Где на солнышке последнем,
Ещё тёплом,
Ещё летнем,
За сторожкой
На болотце
Вся морошка в позолотце!

Из ладошки
Да в лукошко
Собирается морошка.
Не спеша
Да понемножку
Наполняется лукошко.

Ах, морошка-тонконожка,
В зябком инее морошка,
Ты качаешься, сверкаешь,
Словно мамина серёжка!

Заполярной
Долгой ночью
Ты вареньем нас
Попотчуй,
Всеми запахами лета,
Блеском солнечного света,
Золотой искринкой,
Озорной кислинкой!

ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Юрий МОГУТИН

НА МАКУШКЕ ГЛОБУСА

Город Мурманск от Москвы не близко стоит. На севере, за полярным кругом. Но скорый поезд «Арктика» и впрямь скорым оказался. За двое суток до Мурманска домчал. Сначала одолел путь от Москвы до Ленинграда. Потом пошли бесчисленные озёра Карелии. А уж за Карелией и началось Заполярье. Только этого, пожалуй, никто не заметил.

Я заволновался: как же это мы проглядели, когда поезд Северный полярный круг проезжал? Мне казалось, что и других это тоже должно волновать. Но пассажиры в вагоне как ни в чём не бывало занимались своими делами. Кто газету читал, кто чай пил. Сосед по купе, загорелый до черноты, сказал:

— С юга еду.

— Оно и видно,— откликнулась старушка напротив.— Ишь как загорели!

— Да нет,— вздохнул сосед.— Загорел-то я у себя в Заполярье. Я ведь оленевод. У нас в тундре летом круглые сутки солнце светит. А с югом мне, мамаша, крупно не повезло. За весь отпуск и недели солнечной не набралось.

Оленевод задумался о чём-то. Может, вспомнил о своих оленях. А я опять стал думать о полярном круге. В каком же месте мы его пересекли? Я даже представил себе, как наш поезд переезжает его: половина вагона по ту сторону полярного круга, половина — по эту. Ведь был же такой момент. Хотя я со школьных лет знаю: полярный круг — понятие географическое. Его нельзя увидеть или потрогать рукой. Его только на картах да на глобусе и можно разглядеть.

Рис. В. ЧАПЛИ

СТОИТ В ЗАПОЛЯРЬЕ АЛЁША...

Мурманск — город красивый. Когда наш поезд в Мурманск пришёл, я сразу пошёл город осматривать. Современные дома обступили Кольский залив и взбегали на сопки. На склоне одной такой сопки возвышается над городом огромная фигура солдата — памятник освободителям Заполярья от фашистов. В Мурманске его зовут ласково — Алёшей.

И тут я вспомнил, что видел памятник с таким же именем в Болгарии. Вспомнил и подумал, что в совпадении этом нет ничего удивительного.

Сорок лет назад наши войска освободили страны Европы от фашистского рабства. И в благодарность народы разных стран воздвигли памятники советскому воину-освободителю. Не сговариваясь, мурманчане и болгары назвали свои памятники одним и тем же русским именем — Алёша. И стоят два памятника советским солдатам как предостережение для тех, кто замышляет против нас недоброе. И там, под ласковым небом Болгарии, и здесь, в суровом Заполярье, люди приносят к памятнику живые цветы.

У СОЛНЦА — БЕССОННИЦА

Мурманск — город-порт, северные морские ворота страны. То и дело с Кольского залива доносятся густые ревуны кораблей. Огромные, величиной с гусей, чайки сидят на карнизах домов, а то и прямо на тротуарах. Некоторые из птиц спят.

«Неплохо бы с дороги отдохнуть и мне»,— подумал я, набродившись по городу. Поглядел на часы: полночь! Но солнце и не думало садиться.

— Как долго не темнеет! — удивилась какая-то женщина, тоже, видно, приезжая. А моряк, услышав её, рассмеялся:

— Долго же вам придётся ждать темноты. Месяца два это точно.

«Ну, конечно,— вспомнил я.— Ведь летом в Заполярье солнце круглые сутки светит».

Далеко за полночь вернулся я в гостиницу. А люди всё ещё гуляли по ночному городу. Кто смотрел на корабли, кто на солнышке грелся да газету читал.

ПРИЛИВЫ И ОТЛИВЫ

День и ночь кипит в порту работа. Гремят якорные цепи. Снуют автопогрузчики. Лавируя между ящиками с рыбой, я вышел на причал. Огромная белоснежная громада корабля возвышалась над причальной стенкой. Высоко по трапу на корабль взбирались матросы.

Полюбовавшись кораблём, я отправился в город, а к вечеру снова вернулся в порт. К великому моему огорчению, я не застал красавец корабль. На месте белоснежного гиганта стояло у причала невысокое судно.

— Здесь корабль стоял... Не видели? — спросил я у портовых рабочих.

— Вот же он! — показали они на невысокое судно.

«Что за оказия! — растерялся я.— Не мог же огромный корабль в течение одного дня стать вдвое ниже ростом...»

И вдруг заметил, что и остальные корабли тоже стали меньше ростом.

«Отлив! — догадался я.— Вот кто опустил корабли на несколько метров вниз».

Тут я вспомнил, что в океане существуют приливы и отливы. Дважды в сутки вода в Мурманском порту поднимает и опускает корабли.

Я брёл вдоль Кольского залива и смотрел, как чайки бродят по отмелям,

склёвывая рачков и рыбок, застигнутых отливом врасплох. Но бывает и так, что море застаёт врасплох людей. Забредёт рыбак далеко от берега на обнажённую отливом отмель. Увлечённый рыбалкой, не заметит начала прилива. А море быстро поглотит то, что ещё недавно было сушей. И горе рассеянному рыбаку, если он не умеет плавать.

КАК ПЕСЦЫ ШУБЫ МЕНЯЛИ

Недалеко от Мурманска есть старый город. Кола называется. По соседству с ним — совхоз «Кольский». Не простое хозяйство — звероводческое. Пушных зверей разводит. Когда я туда приехал, поначалу даже растерялся: уж не в питомник ли собачий попал? Со всех сторон неслись лай, тявканье, нетерпеливый брёх. Это песцы волновались в предвкушении обеда.

Разводить пушных зверей в этих краях начали давно. И поначалу не совсем удачно. Звероводов подвела... жалость. Заботясь о своих питомцах, они поместили зверей в тёплые, уютные вольеры. Но — странное дело! Хорошие условия зверям повредили. У изнеженных песцов стали рождаться хилые щенки. Шубы у неженок стали тусклые и поредевшие.

Звероводы спохватились и переселили зверей в холодные, продуваемые всеми северными ветрами клетки. Тогда песцам пришлось приспосабливаться к суровым условиям. И постепенно они снова «оделись» в тёплый пушистый мех. От простудных болезней они совсем избавились. Великое дело — закалка! Особенно там, за полярным кругом.

ПРОЩАЛЬНАЯ МУЗЫКА ЧАЕК

Мурманск и Колу трудно представить без чаек. Там, где море, всегда есть и чайки.

Я покидал Заполярье в ясный, солнечный день. И лица у мурманчан были высвечены радостью: за ратный подвиг в боях с фашистами их Мурманску присвоено почётное звание «Город-герой»! Я покидал этот город, город моряков, рыбаков и геологов. И прощальная музыка моря и чаек провожала меня.

Фото А. КУПРАЦЕВИЧА

ВЕРТОЛЁТЧИКИ

Рассказы пилота Ивана Васильевича Птицы

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Друзья на всю жизнь

На вертолёт я пересел с истребителя. Лётчиком был три года, а в вертолётчиках вот уже тридцать лет...

После тяжёлой болезни суровые военные врачи сказали: прощайся с небом, а если жалко, можешь на вертолёте летать.

Выбрал небо. У меня ведь и фамилия небесная — Птица.

Выбрать выбрал, а к вертолёту никак не привыкну. Правду сказать, я его даже боялся.

Самолёт как птица! У него крылья. Есть чем на небо опереться. Летит стрелочкой, звук за ним угнаться не может, а не страшно! Погляжу на вертолёт — летающая консервная банка.

Служил я тогда на Севере.

Первые два раза слетал — обошлось, на третий получил приказ отвезти на остров Кильдин геологов.

Вылетели — солнце. Впереди, можно сказать, приятная морская прогулка. Вдруг снежок запорхал. Да всё гуще, гуще, а туч не видно.

Второй пилот, Толя, был опытнее меня.

— Пожалуй, возвращаться надо,— советует.— Как бы нам в заряд не угодить.

Заряд — это снежная слепая буря, когда видимость ноль.

Окинул я взглядом горизонт — снег как снег.

— Неудобно,— говорю,— вернёмся — засмеют. Снега на Севере испугались.

Запросили по радио Кильдин:

— Как погода?

Отвечают:

— Хорошая погода. Солнце — хоть загорай.

Полетели дальше и вдруг словно в мешок с мукой провалились. Вверху бело, внизу бело.

Развернулись, чтоб хоть ближе к земле, а земли нет. Пропала земля!

Смотрю на приборы, а они невесть что показывают. Как летим, и то непонятно. Может, боком. Аэродромы не отвечают, не слышат нас.

Вдруг чувствую — валимся. Тяну за ручку, а сил не хватает, кричу:

— Толя! Помогай!

И тут прямо перед нами — скала. Лоб в лоб. Рванули ручку вдвоём, влево. Скала исчезла — и опять белым-бело.

— Ниже сопок летим,— говорит второй пилот.— Потому и не слышат нас.

А мне не до разговоров — падаем. Вижу — вода. Вода тоже ориентир, вертолёт выровняли, скорости нет — висим.

Пришли в себя.

— Надо садиться,— говорит Толя.— Заряд переждать.

Но куда садиться? Полетели наугад. Вода кончилась, внизу снег. А что под снегом? Может, яма, а может, болото?

Бортрадистом у меня был Авось Ваня. Такое к нему прозвище прилипло. Предлагает:

— Давай, командир, я спрыгну и покажу, куда садиться.

Другого выхода нет.

— Хорошо,— соглашаюсь.— Только подожди, спущусь пониже.

— Не расшибусь! Авось!

Я глазом не успел моргнуть, а он дверцу отворил — и хлоп вниз. Всё равно что с крыши семиэтажного дома прыгнуть. Несдобровать бы, но снег был глубокий, и Авось Ваня даже не ушибся.

Сели. Места незнакомые. Сопки кругом. Решили на аэродром возвращаться. Поднялись, а назад дороги нет. Небо до того забито снегом, хоть лопатой расчищай.

— Полетели на Кильдин! — говорит бортрадист.— Авось!

Запросили остров.

— Как погода?

— Отличная,— говорят,— погода! Вы-то куда запропастились?

— На мельницу заворачивали,— отвечает Авось Ваня.

Полетели над морем, а оно сияет. Льды сияют, вода сияет. Ну и мы тоже просияли.

— Какая надёжная машина вертолёт! — говорит Толя.— Самолёт из такой передряги поздорову не выбрался бы.

— Удивительная машина,— соглашаюсь, а сам покраснел, как пареная свёкла: я-то ведь вертолёт консервной банкой про себя величал.

С той поры мы с вертолётом друзья. На всю жизнь друзья.

Дедушкин наказ

Родом я из деревни. До сих пор люблю вставать до зари. Утром и земля улыбается.

— Кто рано встаёт, у того душа бодрая и весёлая,— говорил мне дедушка.

И ещё он говорил:

— Самая главная на земле работа — крестьянская. Постараешься ради земли, рук своих не пожалеешь, и она для тебя постарается, урожаем отдарит. Был бы я спокоен и утешен, если бы внуки мои остались верны природному нашему крестьянскому делу.

Вспомнил я дедушкин наказ, когда пришло время расставаться с армией. Землепашец из меня не получился, но я знал, как могу земле послужить.

Приехал я в Симферополь, поступил в отряд гражданских вертолётчиков, а работать попросился в поле.

Весной у хлеборобов много хлопот, и у вертолётчиков тоже.

Ударят зимой морозы, а снега негусто, вот и болеет поле, не зелёное, а жёлтое. Подкормить его надо.

Ставят на вертолёт с двух сторон баки, похожие на лейку, в баки засыпают удобрения, и

Рис. Н. РОДИОНОВА

вертолёт улетает на поле. Высыпал одну порцию, за другой прилетел. Полёт длится всего минут пять: взлёт, распыление удобрений, посадка, загрузка и опять взлёт.

А тут вдруг агроном обнаружит, что на дальнем поле завелась прожорливая хлебная жужелица. На вертолёт ставят штанги с дырочками: две штанги с боков, третью под хвостом. Летит вертолёт, опрыскивает заражённое вредными насекомыми поле.

Жужелицу одолели — пора с сорняками бороться. Против них тоже есть средство — гербициды. С полевыми работами управились, виноградари ждут — лечить лозу от болезней, спасать от вредителей, от засухи.

Вот лето уже и позади.

Наступает время сбора урожая. Тут помощь вертолётчиков нужна полеводам, которые выращивают подсолнечник.

Золотые подсолнухи созревают не все сразу, одни скорее, другие запаздывают. Опылят вертолётчики нужным составом поле, и дня через три-четыре его можно убирать.

Урожай сняли, а дела не убавилось: время удобрять землю. И снова вертолёт в небе, над полем.

Чем больше труда, тем больше хлеба. Раньше соберут пшеницы по двадцать центнеров с гектара и говорят: «Ого, какой урожай! Стопудовый!» А теперь с помощью вертолёта-крестьянина сорок центнеров — норма, а большой урожай — это шестьдесят центнеров с гектара.

Думаю, мой дедушка был бы доволен своим внуком.

Лебеди

Крым — ласковое место. Тёплое. Но и здесь случаются такие зимы, когда людям и животным трудно, а птицам совсем беда.

Сковало черноморские лиманы льдом. Лиманы — это мелкие заливы, а для птиц — города. Живут здесь бакланы, лебеди, чайки, гуси, утки, цапли...

Всем хватает корма. И вдруг — такая напасть! Замёрзла столовая.

Первыми пришли на помощь птицам егеря и вертолётчики.

Высыпали мы на лёд корм для птиц и радуемся: спешит птичья братия на кормёжку, со всех сторон слетается. Но одна лебединая стая даже с места не стронулась. Очень уж гордые. Привёз я ещё корму, а те гордые лебеди всё на том же месте.

Посадил я вертолёт на берегу и пошёл с бортрадистом к той лебединой стае. А она, бедная, в лёд вмёрзла.

Пришлось нам ломиками поработать. Вырубили лебедей изо льда, а они еле живые. Оставить — пропадут.

Погрузили мы почти полсотни птиц в вертолёт и привезли домой. Лётчикам раздали — выхаживать.

Весной лебеди улетели, но не все. У моего друга до сих пор живёт пара. Вместе с курами. Плавать в ставок ходят, а на ночь к курам возвращаются.

Нынешней весной у лебедей появилось потомство: три птенца. О, это не гадкие лебедята! Они всем в радость — и птицам и людям.

Удобства жизни

Очень мы все привыкли к удобствам. Стемнеет — щёлк выключателем: светло! Обед сварить — зажигай газ. Печка и та из дома ушла. Зимой батареи комнату согревают. Раньше на домашнюю работу много труда уходило: дрова привези, напили, наколи, высуши, воду надо было таскать вёдрами, печь топить спозаранок... Но ведь и теперь удобства наши добываются большим, а иногда и отважным трудом. Вот только вспоминаем мы об этом редко.

Ну а сам я после одного случая стал памятлив.

В ту холодную зиму, когда птиц спасали, море было очень сердитым. Корабли от бурь в портах укрывались, морским же газовщикам от волн и ветра негде было спрятаться.

В наши дни есть и такая удивительная профессия — добытчик газа со дна морского.

Стоят в море железные острова. Как в сказке. Но построены они не чародеем — руками рабочих. На этих островах живут и работают бурильщики. Бурят морское дно, чтоб добыть для наших городов и сёл голубой газ.

В час ночи с железных островов пришёл сигнал SOS — спасите наши души.

И тотчас связь была потеряна.

Ветер достигал тридцати пяти метров в секунду, дождь, туман, видимость, близкая к нулю. Погода нелётная. Но в море люди, им нужна помощь, они ждут, они надеются.

Начальник отряда вертолётчиков знал, как опасен полёт в такую бурю, но нужно было рисковать.

В воздух поднялась наша машина.

Больше всего я боялся увидеть на месте железных островов пустынное море. Но нет, вышки стояли!

Подлетел ближе, и радость моя померкла.

Площадки, где размещались дома бурильщиков, под водой. Люди сидели на вышках, кто где. И это на ледяном ветру. Опустил я продукты на верхние площадки и улетел за одеждой. Подойти к вышкам и снять людей было невозможно, ветер разбил бы вертолёт о железные конструкции.

Три раза летал я в тот день в кипящее от волн море. Людей одели в тёплое, накормили. Снимать начали в полдень, на следующие сутки.

Вот уж где приходилось быть точным.

Зависали возле верхней площадки, и морские бурильщики шагали над грозной гремящей пропастью в наш уютный Ми-8.

Одолели стихию.

Когда зажигаю газ на плите, нет-нет да и встанет перед глазами: вертолёт, белое от пены море и люди на вышке воробушками.

А как всё просто! Чиркнул спичкой, повернул кран — и горит, шумит весёлое голубое пламя.

В общем, не жалею, что тридцать лет вертолётчиком зовусь. Где бы ещё я столько добра людям сделал?

Без вертолёта человеку теперь никак не обойтись. Вертолёт всё равно что ослик в горах. Надёжен, терпелив — и везёт! Хоть в гору, хоть с горы. Нет! Я вам так скажу: вертолёт — машина добрая.

ОЛИМПИОНИК

Корреспондент «Олимпионика»
Марина МОСКВИНА

Рис. Е. САДОВНИКОВОЙ,
О. ТЕСЛЕРА,
В. ХОЗИНА

И НЕПРОМОКАЕМЫЙ КОСТЮМ, РУКАВИЦЫ, ПРИМУС, АПТЕЧКА, ВЕРЁВКИ, МОЛОТОК-КРЮЧЬЯ, СПИЧКИ В НЕПРОМОКАЕМОЙ УПАКОВКЕ, СВЕЧИ, ЗАПАСНЫЕ БАТАРЕЙКИ

В гостях у «Олимпионика» инженер-конструктор Института космических исследований, спелеолог Михаил Ноздрачёв:

— Говорят, спелеология — это альпинизм в темноте. И правда, если бояться темноты, привидений и подземных духов — никогда не будешь исследователем пещер. А дело это очень интересное. Хотя сразу вам скажу — серьёзное это дело. Ничего не стоит заблудиться, остаться без света, застрять в узкой трещине. Вот отчего по-настоящему храбрый и опытный путешественник не отправится на подземные поиски, никого не предупредив, без снаряжения, я уж не говорю — в одиночку!

Спелеология — спорт необыкновенный. Даже альпинист на восхождении, в общем-то, в привычной обстановке. Перед ним цель — вершина, он видит свой путь, над ним проплывают облака, печёт солнце, горят звёзды. А что спелеолога ждёт в пещере — тайна, покрытая мраком. Быть может, пройдёшь десять метров — и тупик. А может, впереди многокилометровая галерея!.. Ни цели не видно, ни пути, только то, что рядом, куда посветишь фонарём.

Бывает, лезешь вниз по тросовой лесенке. Лестница качается, закручивается! Ты слышишь звон капели, гул ветра в дальних лабиринтах, писк летучих мышей, таинственное шуршание их перепончатых крыльев. Кажется, будто висишь в пустоте. Хотя на самом деле, как из-под купола цирка, спускаешься в огромный зал. На стенах, потолке каменные сосульки — сталактиты, известковые цветы и натёки, похожие на дракона, медузу, гнома или исполинскую черепаху!..

За неизвестность, за то, что пещер гораздо больше неоткрытых, чем открытых, и вообще на карте Земли это единственные «белые пятна», люблю спелеологию. Самое увлекательное для меня — искать и открывать новые пещеры. Сам не знаю, как я их нахожу. С одной — довольно крупной — связана такая история. Однажды весной мы с товарищем обследовали Бзыбский хребет на Кавказе. И вдруг нечаянно уронили в щель молоток. Хотели достать — хороший молоток, пригодится. Копнули — ход! Ещё копнули — колодец! Спустились по верёвке на сорок метров — пещера, дальше уходит, вглубь. Найти — это одно, а штурмовать — другое. Нужна основательная подготовка. Ведь покорителю пещер приходится спускаться по лестницам и верёвкам на глубину нескольких сот метров! Ползти в узких лазах — «шкуродёрах», преодолевать глыбовые завалы, нырять в затопленные водой галереи, плыть по течению подземной реки или карабкаться по отвесной стене навстречу пещерному водопаду!..

Вернулись мы домой, как следует натренировались, набрали снаряжения и летом пещеру свою покорили. Глубокая была — в полкилометра! И только на самом дне нашёлся молоток. Вот мы обрадовались! Хороший молоток. Пригодится.

Спелеолог-исследователь пещер

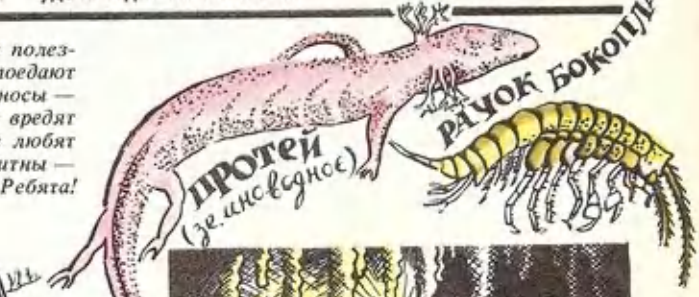
СТАЛАКТИТ — от греческого «сталактос» — натёкший по каплям.
Во Вьетнаме в Хашонбиньской пещере открыли «звучащие» сталактиты. Притронешься металлическим молоточком — издают мелодичный звон. На них можно играть как на ксилофоне. Навстречу сталактиту — снизу — растёт СТАЛАГМИТ — от греческого «сталагма» — капля. В пещерах нужно ходить осторожно, чтобы ничего не разрушить. Бывают пещеры-музеи, как Новоафонская в Абхазии.

Где выход из пещеры?

Спелеология не только спорт. Это наука о пещерах. Она изучает их климат, животный мир, камни, воду, воздух... По следам стоянок древних людей узнают о прошлом человека.

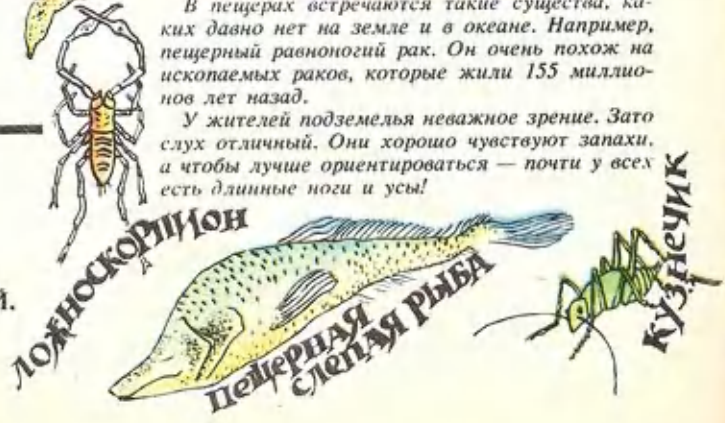
На стенах пещер находят рисунки первобытных художников. В Башкирии в Каповой пещере сохранилась целая картинная галерея! Во французской пещере Ляско 17 тысяч лет назад весь главный зал был изрисован гигантскими быками. Следующий зал — Львиный. Там нарисованы пещерные львы. На стенке колодца изображена странная фигура человека с птичьим клювом, а на каждой руке у него по четыре пальца. Справа от него — пронзённый копьём бизон. Древние люди верили: если нарисовать убитого зверя — удача ждёт их на охоте.

В пещерах живут летучие мыши. Они полезные! Мелкие — ушаны и нетопыри — поедают комаров и москитов. Крупные — подковоносы — питаются бабочками и жуками, которые вредят сельскому хозяйству. Летучие мыши не любят шума, света, дыма костров, они беззащитны — особенно зимой, когда впадают в спячку. Ребята! Берегите летучих мышей!



В пещерах встречаются такие существа, каких давно нет на земле и в океане. Например, пещерный равноногий рак. Он очень похож на ископаемых раков, которые жили 155 миллионов лет назад.

У жителей подземелья неважное зрение. Зато слух отличный. Они хорошо чувствуют запахи, и чтобы лучше ориентироваться — почти у всех есть длинные ноги и усы!



Прочитай!

Очень интересная повесть!

СТАНИСЛАВ РОМАНОВСКИЙ.

«Синяя молния».

ПУСКАЙ ЖИВУТ У НАС

Алексей ШЛЫГИН

Я притащил домой котят,
А папа с мамой говорят:
— Нельзя! Неси-ка их назад,
Здесь не кошачий детский сад!

Гляжу на крошечных котят:
Они, наверно, есть хотят!
Они ползут ко мне, скользя,
Они не знают, что нельзя...

И папа с мамой на котят,
Присев на корточки, глядят.
Вздыхают разом:
— Вот беда...
Ну, если так, тогда, тогда...

Пускай живут у нас пока.
Налей-ка в блюдце молока.

Рис. В. КАНЕВСКОГО

Рис. О. ЭСТИСА

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

Какие цифры здесь нарисованы? И какие повторяются?

КАК ИЗ ВЕДРА

Тим. СОБАКИН

Солнца в небе мало:
Дождь идёт с утра.
Бабушка сказала:
«Льёт как из ведра».

Целый день дорога
Мокла во дворе...
Видно, было много
Дождика в ведре.

Найди две одинаковые тарелки.

ВЕСЁЛЫЕ ТАРЕЛКИ

Г. ГЛУШНЁВ

Вымыла тарелки я
Глубокие и мелкие.
Смеются белолицые:
Ах, нравится водица нам!

И нравится та девочка,
Что вымыла тарелочки.

ГДЕ ЁЖ?

В. ШУМИЛИН

Где ЁЖ?
Убежал
От друзей
Без оглядки.
Сказал:
— Поищите!
Играю я в прятки.—
Вначале в норе
ЁЖ укрылся
В одёЖке,
Затем покатился
Клубочком
По стЁЖке.
Нашёл под берёзкой
Кудряшки-серЁЖки.
Решил подарить их
Мальчишке
СерЁЖке.
А дальше —
А дальше и вы
Поищите.
Где ЁЖ?
Догадались?
Да он в алфавите:
А Б В ГДЕ ЁЖ З И...

Найдите, ребята, другие слова,
в которых прячется ЁЖ

КАССА, МАССА, ТРАССА

Отвег:

Три слова в рифму стали здесь.
Вставь буквы, чтобы их прочесть.

КАССА

СКОРОГОВОРКА

В. ТЕЛЕГИНА

Шёл Егорка по пригорку
И учил скороговорку.
Он учил скороговорку
Про Егорку и про горку.

А когда сбежал под горку,
Позабыл скороговорку.
И теперь в скороговорке
Нет ни горки, ни Егорки.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР А. ШЕВЕЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Т. АНДРОСЕНКО,
Г. ВИЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ (зам. главного редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
А. МИТЯЕВ,
В. МАТВЕЕВ,
К. ОРЛОВА (ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела художественного оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический редактор
О. БОЙКО

Сдано в набор 09.09.85.
Подписано в печать 20.09.85.
Формат 84×108¹/₁₆.
Печать офсетная.
Услов. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,4.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 700 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 1634

Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-18-81

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.

Макет К. ОСТОЛЬСКОГО

Рисунок на обложке В. ЛЕБЕДЕВА

26-26

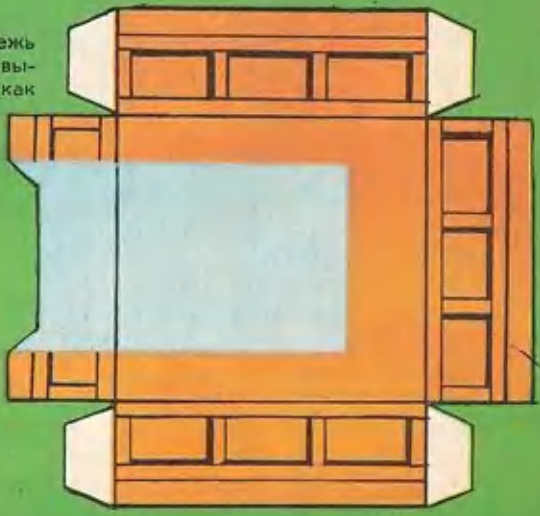
Сделай сам

Цена 15 коп.

МУРЗИЛКИН ГРУЗОВИЧОК

Наклей картинку на плотную бумагу. Вырежь все детали. Белые, незакрашенные части выкройки отогни. Крылья вставь в прорези, как показано.

Рис. Н. АЛЕКСЕЕВОЙ



ISSN 0132—1943

Индекс 70553